

Лучу надежды

Благодарности

Это был по-настоящему чудесный опыт — работать с командой редакторов Bloomsbury: Родри Могфордом, Лорой Ривз, Беатрис Лопес и Эммой Гуд. Я хотела бы выразить особую благодарность Кристоферу Гертайсу, редактору серии, за его содействие и моральную поддержку. А проникательные отзывы анонимных рецензентов значительно улучшили книгу.

В Университете Айовы я получила незаменимое научное руководство, критику, советы, ободрение и поддержку от своих наставников и коллег. Я хотела бы поблагодарить доктора Дженнифер Сешнс, доктора Шуан Ченя, доктора Пола Гриноу, доктора Сою Райанг, доктора Дэвида Аркуша, доктора Элизабет Хайнеман, доктора Микаэлу Хенике Мур, доктора Гленна Пенни, доктора Скотта Шнелла, доктора Алиссу Парк, доктора Джеки Рэнд, доктора Сару Хэнли, Пэт Гудвин, Шери Сойка, Мэри Строттман, Чжин Айкин, Дунван Лю и Минь Тянь. Трудно переоценить помощь Тиаки Сакаи, библиотекаря секции японских исследований. И, в заключение, стать ученицей доктора Стивена Властоса было одной из величайших удач, выпадавших мне в жизни. С тех пор как я ознакомилась с его публикацией во время моего бакалавриата в Калифорнии, он стал для меня источником вдохновения и самым значимым образцом для подражания не только как историк, но и как увлеченный и увлекающий, преданный своему делу педагог. Я бесконечно благодарна Стивену за его советы, наставления и поддержку, которую он и Мэри Энн оказали мне.

Несколько человек прочитали черновики отдельных частей этой книги, снабдив их весьма полезными комментариями.

Особую благодарность я хотела бы выразить участникам проведенного в Ниагарском университете в апреле 2015 года семинара Midwest Japan и состоявшейся в феврале 2016 года конференции Yale InterAsia Connections. Я также хотела бы поблагодарить Леандера Сиа, Филиппа Гингону, Джамен Чоя, Вою Лю, Джоша Кокрэна и Габи фон Редерн. Моя особая благодарность коллегам и студентам департамента истории и политической науки Бриджуотер-колледжа.

Осуществлению этой работы способствовали факультетские исследовательские гранты Бриджуотер-колледжа, гранты Университета Айовы Crossing Borders Summer Travel, премия Стэнли за международные исследования, стипендия Лоуренса Лафора, диссертационный грант Центра азиатских и тихоокеанских исследований и летняя стипендия для аспирантов.

Я хотела бы выразить свою благодарность и почтение выпускникам Университета Кэнкоку и членам их семей, с которыми я встречалась в Токио и Осаке в 2010-м и 2011 годах: г-ну Фудзимори Ко:ити, г-ну Мацумото Хирокадзу, г-же Мацумото Мисао, г-ну Сиокава Сигэя, г-ну Накамура Масадзо, г-ну Оти Митико, г-ну Исии Гэн, г-ну Сиоцуки Гэнси и г-ну Мурасэ Ёсикадзу. Узнав о моем исследовании, все они охотно поделились со мной своими мнениями и рассказами о своей альма-матер. Кроме того, как Ассоциация выпускников, так и отдельные ее члены предоставили мне различные материалы. Я надеюсь, что смогла оправдать их ожидания, написав историю создания Кэндая с позиции не только японских, но и других азиатских студентов.

Я также хотела бы посвятить эту книгу всем замечательным учителям и друзьям, с которыми я встретила на протяжении долгих лет учебы в заведениях Японии и Соединенных Штатов. Учителя начальной школы «Икаруга Ниси» научили меня радости познания. Учителя младших и старших классов в средней школе «Кансай Сока» открыли моему зрению новое и продолжили тепло ободрять меня, как будто я их родная сестра или дочь. Школьный духовой оркестр, в котором я играла в течение шести лет, научил меня ценить дружбу и необходимость трудиться изо дня в день. В Американском университете Сока я смогла учесть-

ся у великих профессоров и замечательных друзей. Я бесконечно благодарна доктору Донгюн Хвану за то, что он показал мне, насколько интересна и важна азиатская история, и за то, что побудил меня продолжить обучение в Соединенных Штатах. Наконец, я хотела бы выразить свою глубочайшую признательность тому, кто вел меня по жизни, сэнсэю Даисаку Икэда, основателю школ Сока, которые я посещала, и лидеру базирующегося на буддийской философии массового международного движения за достижение мира во всем мире через образование и культуру. В 2001 году он подарил мне книгу с написанными на титульном листе воодушевляющими словами: 学は光なり («Наука — это свет»). Как его ученица, я даю обет воплотить этот девиз в своих исторических исследованиях и преподавании и прожить достойную жизнь.

Наконец, я хотела бы выразить свою огромную признательность моей семье в Японии, Нидерландах и Соединенных Штатах. Их постоянной поддержке и ободрению, особенно поддержке и ободрению моей матери, я обязана многим. Хидэ, мой жизненный спутник, мою благодарность и любовь к тебе не выразить словами. Большое спасибо тебе за то, что ты такой, какой ты есть. Нахождение рядом с таким искренним человеком заставляет меня желать совершенствоваться каждый день. Хикари, спасибо тебе за то, что выбрала нас своими родителями. Ты — наш лучик надежды.

В процессе приема студентов университет разделил абитуриентов на две группы. Тех, кто получал образование в школьной системе Маньчжоу-Го, называли *манкэй* («маньчжурского происхождения»). Абитуриенты, прошедшие через японскую школьную систему в Японии, Корею и на Тайване, назывались *никкэй* («японского происхождения»). Такой критерий приема, как требуемый возраст поступления, для этих двух групп различался, чтобы соответствовать опыту, полученному в каждой из двух образовательных систем.

Начиная с 1941 года абитуриенты-*манкэй* зачислялись на более длительные программы в отличие от абитуриентов-*никкэй*, что показано в табл. А1.

Таблица А1

Наборы студентов и годы поступления

Набор	Категория абитуриентов	Год поступления
Первый набор	все желающие	1938
Второй набор	все желающие	1939
Третий набор	все желающие	1940
Третий набор по новым правилам приема	<i>никкэй</i>	1941
Четвертый набор	<i>манкэй</i>	1941
	<i>никкэй</i>	1942
Пятый набор	<i>манкэй</i>	1942
	<i>никкэй</i>	1943
Шестой набор	<i>манкэй</i>	1943
	<i>никкэй</i>	1944
Седьмой набор	<i>манкэй</i>	1944
	<i>никкэй</i>	1945
Восьмой набор	все желающие	1945

Условные обозначения и сокращения

Гоминьдан	Китайская Национальная партия
ГСОВ	Главнокомандующий союзными оккупационными войсками
ИИНДК	Институт изучения национального духа и культуры
ИИУК	Исследовательский институт Университета Кэнкоку
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая партия Китая
Кэндай	Университет Кэнкоку (Университет государственного строительства)
РК	Республика Корея
ЮМЖД	Южно-Маньчжурская железная дорога
ЯТБ	Японское туристическое бюро

1

Введение

Университет Кэнкоку (Университет государственного строительства, сокращенно — Кэндай) был основан в 1938 году Квантунской армией, японской военной группировкой, оккупировавшей северо-восточные провинции Китая. В целом она была расквартирована в Маньчжурии. После Маньчжурского инцидента 1931 года Квантунская армия создала в 1932 году марионеточное формирование Маньчжоу-Го, объявившее себя независимым государством. Положенные в основу государства принципы «справедливого правления» (*о:до:*¹) для построения «гармонии между народами» (*миндзоку кё:ва*²) способствовали созданию позитивного образа Маньчжоу-Го как утопического государства, которое стояло бы у истоков установления в Восточной Азии вдохновленного японскими паназиатскими устремлениями нового порядка. На практике создание Маньчжоу-Го лишь упрочило неформальный колониальный контроль над регионом, в котором Япония получила плацдарм после победы в Русско-японской войне 1904–1905 годов. В Маньчжоу-Го у Кэндая был особый институциональ-

---

¹ «Справедливое правление» (*о:до:*, или 王道), также переводимое как «верный путь», является конфуцианским понятием идеала добродетельного правления. Оно является противоположностью «пути силы» (*хадо:*, или 霸道), или «пути деспотии», обозначающему властвование посредством власти и силы. Приверженность Маньчжоу-Го пути «справедливого правления» имела целью предложить альтернативу западному стилю руководства, которое можно охарактеризовать как «путь деспотии». Дальнейшее рассмотрение этого можно найти в разделе «Маньчжурия и Маньчжоу-Го».

² Рассмотрение перевода термина *миндзоку* см. в разделе «Маньчжурия и Маньчжоу-Го».

ный статус. Это было единственное учреждение высшего образования, управляемое непосредственно властями Маньчжоу-Го, Верховным советом. Другие образовательные организации находились под контролем Министерства культуры и просвещения. Верховный совет, в котором преобладали японские военные и чиновники, подчеркивал задачу этого учреждения — возглавить пропаганду маньчжурской идеологии. В то же время, являясь лучшим университетом в Маньчжоу-Го, Кэндай пользовался высокой степенью автономии. Университет набирал студентов мужского пола с японскими, китайскими, корейскими, тайваньскими, монгольскими и русскими корнями, намереваясь обучить поколение, которое воплотит идеал «гармонии между народами». Около 1400 мужчин, зачисленных в университет с 1938-го по 1945 год, были студенческой элитой, представители которой прибыли не только из Маньчжоу-Го, но и со всех уголков Японской империи. Приверженность Кэндай паназиатским идеям проявилась в обустройстве «домов студентов» (студенческих общежитий), в которых принадлежавшие различным культурным группам, этносам и странам обучающиеся были объединены жилым пространством. Более того, прием на работу неазиатской профессуры и тот факт, что вне занятий студентам разрешалось говорить на родных языках, были признаками того, насколько университет был предан паназиатской концепции равноправия. Эти практики не только превратили Кэндай в единственное в своем роде образовательное учреждение в пределах Японской империи, но и противопоставили его нечеловеческой жестокости японского вторжения, которую олицетворяет собой Нанкинская резня 1937 года. Так в самый разгар японской экспансии и войны Кэндай оставался движущей силой паназиатизма, одним из немногих пространств межнационального обмена идеями, а для сегодняшних историков — идеальным примером для изучения паназиатизма, идеологии, оказавшейся на практике весьма неоднозначной.

Эта книга рассматривает восприятие идей паназиатизма, выраженных различными университетскими группами: администрацией, профессурой и, что наиболее важно, студентами японского и неазиатского происхождения. В свете энергичной

японской экспансии, особенно с 1931 года вплоть до начала 1940-х годов, от паназиатизма было нетрудно отделить милитаристский дискурс как еще одно пустое обоснование имперского господства над подчиненными народами, сродни англо-американскому «бремени белого человека». Данная работа представляет комплексный взгляд на эту картину посредством тщательного рассмотрения как институционального, так и индивидуального опыта восприятия идеологии в Кэндае.

Маньчжурия и Маньчжоу-Го

Япония установила неформальный колониальный контроль над Южной Маньчжурией посредством использования двух форпостов, которые она приобрела, победив в 1905 году в Русско-японской войне. Во-первых, Япония оккупировала Ляодунский полуостров и, присоединив его к Квантунской области, установила там свое правление. Во-вторых, она завладела построенной русскими следовавшей от Харбина до Льюйшуня (Порт-Артура) Южно-Маньчжурской железной дорогой и прилегающими к ней землями, которые назывались зоной Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Железнодорожной зоной ЮМЖД управляла Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, государственно-частная корпорация. Хотя японское правительство призывало граждан эмигрировать в Маньчжурию и поселяться там в целях усиления японского контроля над регионом, японцы так и оставались на этой территории меньшинством. В 1930 году японское население зоны ЮМЖД и Квантунской области достигло почти 240 000 человек, тогда как китайцев в Маньчжурии насчитывалось 30 000 000 человек [Yamamoto 2006: 10].

К концу 1920-х гг. японская маньчжурская община столкнулась с двумя угрозами: учатившимися проявлениями национализма среди китайцев и ростом влияния на Дальнем Востоке Советского Союза. Именно в это критическое время Исивара Кандзи (1889–1949), один из протагонистов этой книги, прибыл в Маньчжурию в качестве офицера оперативного отдела Квантунской армии.

Позже будет рассказано о его роли в качестве инициатора основания Кэндая. Здесь Исивара оказывается в центре внимания благодаря своему решающему вкладу в расширение зоны японских интересов в Маньчжурии, богатом ресурсами регионе, на который притязала Япония. Полагая, что надежный контроль над Маньчжурией необходим для подготовки Японии к грядущей войне с Соединенными Штатами, которая, по его мнению, была неизбежна, Исивара координировал военные действия, которые в конце 1931 года привели к оккупации Японией всей Маньчжурии. Скрупулезное планирование этой операции началось в марте 1929 года. Исивара не только объехал всю Маньчжурию с тем, чтобы изучить топографию и дислокацию китайских вооруженных сил, но и тайно вел переговоры с командованием Императорской корейской армии о поддержке в случае военного конфликта в Маньчжурии³. К лету 1931 года Исивара понял, что время для военных действий пришло, так как, судя по всему, ни одна иностранная держава не была готова бросить вызов Японии в войне на суше в Северо-Восточной Азии. Советский Союз был занят своим пятилетним планом; Соединенные Штаты и Западная Европа еще не полностью оправались от экономической депрессии; гоминьдановский Китай изо всех сил пытался упрочить свой контроль к югу от Великой Китайской стены [Peattie 1975: 110–114]. В связи с этим 18 сентября 1931 года последовал Маньчжурский инцидент, в ходе которого офицеры Квантунской армии взорвали в Мукдене участок Южно-Маньчжурской железной дороги, обвинили в этом китайцев и использовали это как предлог для начала всеобщего наступления на китайские войска. Хотя конкретная роль Исивары в этом инциденте неизвестна, именно он был инициатором долгосрочного планирования самих боевых действий. Более того, после инцидента Исивара инициировал всю дальнейшую эскалацию, неоднократно игнорируя приказы воздерживаться от наступления, поступавшие от кабинета министров и центрального командования в Токио, а также командующего Квантунской армией генерала Хондзё: Сигэру. К 1932 году Квантунская

³ Японская армия, расквартированная в Корее с 1904-го по 1945 год.

армия оккупировала всю Маньчжурию, что токийское правительство в конечном счете признало свершившимся фактом, а японская общественность широко отпраздновала.

Одновременно с планированием военных действий с самого момента своего прибытия в Маньчжурию в 1928 году Исивара участвовал в инициативах Квантунской армии по государственному строительству на территории этого региона. Идея отделения Маньчжурии от Китая возникла в результате контактов между цинскими роялистами и Квантунской армией⁴. Желая восстановить маньчжурское правление в рамках обретения региональной автономии в «Трех восточных провинциях» (Ляонине, Цзилине и Хэйлунцзяне), цинские роялисты поддерживали связи с Квантунской армией после революции 1911 года, в результате которой династия Цин была свергнута, а Китай — официально провозглашен республикой. В августе и сентябре 1927 года, а затем в августе 1929 года приближенные последнего цинского императора Пу И посетили офицеров Квантунской армии, чтобы посоветовать им возвести Пу И на маньчжурский престол. Исивара и старший офицер штаба Итагаки Сэйсиро: приветствовали эту инициативу. Они ухватились за нее как за прекрасную возможность отделить от Китая Маньчжурию, действуя якобы от имени угнетенного меньшинства — этнических маньчжуров, стремящихся к самоопределению. Кроме того, возведение на престол Пу И оказалось бы эффективным и с точки зрения вовлечения сторонников движения за независимость Внутренней Монголии в планы Квантунской армии по государственному строительству. Исторические связи между цинским двором и монгольскими вождями, существовавшие еще до цинского завоевания Китая, сблизили два народа в противодействии контролю Китая ханьцами [Yamaturo 2006: 97–98]. 1 марта 1932 года, включив в свою территорию четыре северо-восточные китайские провинции (Фэнтянь, Цзилинь, Хэйлунцзян и Рехэ), Маньчжурия провозгласила себя независимым государством, а также учредила феде-

---

⁴ Мое подведение итогов этой операции Квантунской армии по основанию государства основано на книге Ямамура.

рацию «народов Маньчжурии и Монголии», или, что получило большее распространение, Маньчжоу-Го⁵.

Таким образом, провозглашение независимости Маньчжоу-Го было по большому счету результатом накопившегося интереса Японии к Маньчжурии, переплетенного с устремлениями и надеждами маньчжурских и монгольских националистов. Лига Наций не признала легитимность Маньчжоу-Го как государства. Вместо этого международное сообщество поддержало мнение китайского гоминьдановского правительства о том, что Маньчжоу-Го было марионеточным государством, которое основали японцы. Историки соглашаются с тем, что это образование действительно оказалось частью более масштабного японского имперского и экспансионистского проекта. Однако Маньчжоу-Го отличалось от таких официальных колоний Японии, как Тайвань и Корея. Приобретя форму суверенного государства с этнически разнообразным населением, Маньчжоу-Го создало уникальное политическое пространство для реализации на практике идеалистических аспектов японского паназиатизма, воплощенных в его основополагающем принципе «справедливого правления» для достижения «гармонии между народами».

Применение принципа «справедливого правления», провозглашенного в Маньчжоу-Го, берет свое начало из реакции японского китаевода Татибаны Сираки на знаменитую речь Сунь Ятсена, произнесенную в 1924 году в Кобе, Япония⁶. Сунь Ятсен, герой китайской республиканской революции, призвал слушавших его японцев выбрать, стать ли им «кошачьей лапой деспотического уклада Запада (*сэйхо: хадо:*) или твердыней царственного уклада Востока (*то:хо: о:до:*)» [Такэси 1994: 61]⁷. Хотя эти конфуцианские понятия, «справедливое правление» и «путь деспотии», использовались в Китае многими, именно речь Сунь Ятсена донесла их до современных японских мыслителей. Заимствовав термин

⁵ «Декларация основания Маньчжоукуо [sic]», 1 марта 1932 года.

⁶ Обобщающее исследование о Татибана Сираки и его вкладе в развитие идеологии Маньчжоу-Го см. в [Li 1996].

⁷ Цит. по: [Brown 2007].

«справедливое правление» у древнекитайского философа Мэн-цзы, китайский политический деятель продвигал принцип добродетельного правления, основанный на восточной, или, точнее, конфуцианской, традиции, которая была прямой противоположностью западному «пути деспотии», или правлению с помощью силы [Brown 2007]⁸. Татибана, наемный сотрудник в исследовательском отделе ЮМЖД, принял сунь-ятсеновскую схему противостояния Восток — Запад. В своей статье о китайском национализме, опубликованной в 1925 году, он выступил в защиту усилий Японии по поддержке китайских националистов, стремившихся преобразовать общество изнутри [Li 1996: 36–37]. В отличие от современных ему японских китаеведов, чьи взгляды замыкались на японских национальных интересах и выражали презрение к Китаю, Татибана видел потенциал в китайском крестьянстве. Он утверждал, что Японии лучше «завоевать друзей» среди китайских селян, чье сотрудничество было необходимо для проведения в Китае социальных реформ [Ibid.: 93]. Оптимизм в отношении сельских масс Китая побудил Татибану выступить в поддержку японского «справедливого правления» в Маньчжурии, которое заменило бы авторитарный, феодальный и милитаристский контроль военных правителей.

Немедленно провозглашенный в 1932 году правительством Маньчжоу-Го принцип «справедливого правления» тем не менее послужил легитимизации доминирующего положения Японии в только что созданном государстве. В «Декларации об основании государства Маньчжоу-Го» провозглашалось, что «управление должно основываться на законе, а закон, в свою очередь, должен основываться на велении Неба. Цель создания нового государства заключается единственно в подчинении велению Неба и благоденствию народа»⁹. На первый взгляд документ следует концепции

---

⁸ Считается, что китайский философ Мэн-цзы ввел в оборот понятия *то:хо* и *о:до*.

⁹ «Декларация о создании Маньчжоу-Го», Харбин, 1935. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_389385%7CF4871238-6020-4A01-B382-5CB57A6CC409_70191/ (дата обращения: 22.08.2023).

«справедливого правления» Сунь Ятсена, азиатской политической теории, которая могла бы сплотить в борьбе против западного империализма Азию как регион. Тем не менее в данном документе об основании государства термин «закон» не был определен, и, как позднее узнало, к своему разочарованию, неапонское население Маньчжоу-Го, этот неопределенный термин на самом деле означал японский «императорский путь» (*ко:до:*). Действительно, неапонское население Маньчжоу-Го никогда не пользовалось теми же правами, что и японские поселенцы. В конце концов, будучи реализован руками японских гражданских и военных бюрократов, которые занимали в политической жизни Маньчжоу-Го доминирующее положение, значение принципа «справедливого правления» извратилось и он потерял большую часть своей идеалистической привлекательности.

Аналогичным образом принцип «гармонии между народами», который часто называют гармонией пяти народов (*годзоку кё:ва*): ханьцев, этнических маньчжуров, монголов, японцев и корейцев, — также не был воплощен в реальности¹⁰. Ранние японские нарративы о «гармонии между народами» свидетельствуют о том, что японские поселенцы использовали это понятие прагматически. Одним из решительных сторонников вышеупомянутого принципа был Маньчжурский союз молодежи (*мансю: сэйнэн рэнмэй*), организация японских поселенцев, которая была создана по инициативе Dairen Newspaper Company. Лоббируя в 1920-х годах отделение Маньчжурии от собственно Китая, члены этого союза продвигали идею создания многонационального государства. Под лозунгом построения гармоничных отношений между различными народами они стремились оградить регион от анти-японской агитации, которая свирепствовала в Маньчжурии и соседних регионах [Young 1998: 287].

---

¹⁰ Вопрос о том, какие национальные группы составляли «пять народов», остается не выясненным до конца, но под ними часто подразумевались вышеупомянутые пять народов, хотя существовали и другие, неазиатские, меньшинства, такие как русские и поляки. Эта концепция подчеркивала единство пяти главных азиатских национальностей, которое было основано на главном паназиатском принципе создания Маньчжоу-Го.

Подобное прагматичное использование принципа «гармонии между народами» можно также найти в «Декларации о создании Маньчжоу-Го». В документе указано:

В отношении жителей на территории нового государства не делается никаких различий между народностями: то есть не только народности ханская, маньчжурская, монгольская, ниппонская и корейская, но и другие иностранцы, которые намерены жить в новом государстве продолжительное время, могут пользоваться равными привилегиями; все права их будут защищены, а также не будут допущены ни малейшие нарушения последних.

Это заявление, утверждавшее, казалось бы, равенство всех народов и их гармоничное сосуществование, отчетливо свидетельствовало о давней озабоченности японцев своими правами в Маньчжурии, которую и выразил Маньчжурский союз молодежи. В этом смысле сделанный в учреждающем Маньчжоу-Го документе акцент на этническом равенстве не претендовал на установление такого равенства в качестве государственного руководящего принципа, а противодействовал растущей антияпонской деятельности Китая. Действительно, правительство Маньчжоу-Го не разработало никакой специальной политики для претворения в жизнь идеалистического видения «гармонии между народами». Скорее наоборот, японская армия и гражданские чиновники, занимавшие в правительстве доминирующее положение, санкционировали институализированную дискриминацию, разделяя людей на основе их этнической принадлежности при получении ими образования, призыве на военную службу, в судопроизводстве и других аспектах общественной жизни [Сусуму 1998: 96–98]. Хотя поначалу местные лидеры назначались премьер-министром, главами министерств и различных служб, губернаторами, на многих из этих должностей под предлогом «человек должен быть на своем месте» вскоре оказались японские заместители министров, вице-губернаторы или помощники генеральных директоров [Yamamoto 2006: 116–117]. Или же упомянутые неапонские руководители занимали свои

должности лишь номинально, тогда как их японские заместители обладали непосредственными полномочиями. Таким образом, японцы не только занимали 45,8 % всех постов в центральных и местных правительственных органах, но и обладали настоящей административной властью [Ibid.: 118–119]. Точно так же Пу И, даже оказавшись главой исполнительной власти в Маньчжоу-Го, а потом и императором, не имел сколько-нибудь значимой власти, кроме права подписывать заранее подготовленные документы. В конце концов японское правление в Маньчжоу-Го забыло о своих обещаниях этнического равенства, содержавшихся в его учредительном документе.

Необходимо ненадолго остановиться на содержащемся в понятии «гармония между народами» (*миндзоку кё:ва*) термине *миндзоку*. Хотя его часто переводили как «расовая гармония» («*racial harmony*») или «межрасовая гармония» («*inter-racial harmony*»), эти переводы на английский язык не передают точного значения оригинального японского термина. Как отчетливо показал Кевин М. Доак, японский термин *миндзоку*, используемый в этом контексте, не обозначает расы в ее биологическом значении. Что касается такой расы, или *дзинсю*, то в официальном дискурсе Японии военного времени утверждалось, что в Восточной Азии существует только одна раса, при этом Япония военного времени воспринимала себя как многонациональную, мультиэтническую империю, основанную на «культурно определенной этнической концепции национальности» [Doak 2001: 4]¹¹. Следовательно, основополагающий принцип Маньчжоу-Го провозглашал гармоничное сосуществование наций или народов с различной этнической и национальной идентичностью. На протяжении всей книги мы используем словосочетание «гармония между народами» в качестве перевода *миндзоку кё:ва*, понимая, что термин *миндзоку* относится к национальностям как к этнически определенным группам, этносам или, в более широком смысле, народам, а не к биологической концепции расы.

---

¹¹ См. также [Doak 2007].

Более ранние работы по истории Маньчжурии, этого региона, на который притязали многие, дали обстоятельные сведения о геополитических и об экономических интересах Японии здесь и раскрыли эксплуататорские мотивы, стоящие за японскими проектами развития, при этом исследователи делали акцент на национальных различиях между колонизатором и колонизируемым¹². Рассматривая отношения между японцами и неяпонцами в политических и экономических терминах, эти работы, как правило, поддерживали идущие бок о бок нарративы о сопротивлении неяпонцев японскому империализму или об их коллаборационизме. Последние исследования региона отказались от национально-этнически ориентированного взгляда на Маньчжурию и ввели в анализ изучение самого разнообразного опыта. Отвергая национальное измерение японского империализма, Прасенджит Дуара (2003) исследовал истоки идеологических конструкций Маньчжоу-Го в более широком контексте формирующегося дискурса азиатизма, который исповедовали как японцы, так и китайцы [Duara 2003]. В коллективной работе «Crossed History», опубликованной под редакцией Мариико Асано Таманои, авторы сконцентрировались на изучении негосударственных акторов и поставили под сомнение допущение о неизбежном противостоянии между колонизатором и колонизируемым и даже о наличии четких границ между ними [Tamanoi 2005]. Луиза Янг и Эмер О’Двайер расширили спектр японского опыта, включив в свои исследования изучение гра-

---

¹² Исследования, направленные на изучение политических и экономических отношений в Японской империи, выявили эксплуататорские аспекты японской политики и ее присутствия в Маньчжурии и Маньчжоу-Го. Книга «The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937» содержит статьи Рамона Х. Майерса, Накаганэ Кацудзи и Элвина Д. Кукса, которые особенно выделяют Маньчжурию и Маньчжоу-Го. [Matsusaka 2001] является обстоятельным исследованием эксплуататорских мотивов Японии, стоящих за ее проектом развития Маньчжурии, с оборонной, политической и экономической точек зрения. [Ямамура 2006], первоначально опубликованная на японском языке в 1993 году, касается политической истории региона. Ямамура показывает, что сотрудничество между японскими и неяпонскими политиками принесло пользу только первым.

жданского общества [Young 1998; O'Dwyer 2015]. Более того, Рана Миттер, Хен Ок Пак и Норман Смит подвергли сомнению дихотомическую характеристику китайского и корейского опыта как сотрудничества или сопротивления [Mitter 2000; Park 2005; Smith 2007]¹³. Таким образом, основываясь на более ранних политических и экономических исследованиях, современная литература о Маньчжурии расширила их сферу, обратила свое внимание на неаппонские и негосударственные субъекты, а также предложила более сложную картину отношений внутри разнообразного населения¹⁴.

Основываясь на этих недавних работах, настоящая книга стремится расширить понимание положения дел в Маньчжурии на местах, исследуя учреждение, оказавшееся в центре программы идеологической пропаганды Маньчжоу-Го. Как ведущему учебному заведению этого государственного образования, Кэндая было поручено реализовывать идеальные практики государственного паназиятского принципа «гармонии между народами». Тот факт, что Верховный совет Маньчжоу-Го постоянно выделял университету достаточный бюджет, свидетельствует о политическом значении, которое там ему придавалось. Однако подавляющее большинство отдельных представителей сообщества Кэндая не было частью политической элиты. Студенты осознавали, что их карьерная перспектива — служба в качестве правительственного чиновника. В то же время они четко представляли себе, что смысл существования Кэндая состоит в том, чтобы изменить существующую практику и воплотить паназиятский идеал в жизнь. Отдавая себе в этом отчет, преподаватели и студенты Кэндая взяли на себя роль критиков политики Маньчжоу-Го. Как интеллектуалы и будущие лидеры государства, они

---

¹³ В области исследований Кореи периода японского владычества современные работы применяли к отношениям между метрополией и колонией ревизионистский подход. Например, см. [Uchida 2005] и [Chin, Robinson 1999]. Такаси Фудзитани применил к этой проблеме более широкий сравнительный подход [Fujitani 2011].

¹⁴ Еще одной работой, вышедшей за рамки анализа японского империализма, является [Shao 2011].

обзавелись пространством для открытого обмена идеями в качестве равноправных партнеров упомянутого выше начинания, в то время как Япония все глубже входила в войну¹⁵.

Японский паназиатизм

Подобно мессианскому самоощущению англо-американских империй, известному как «бремя белого человека», и французскому «алжирскому плавильному котлу», паназиатизм был важной составляющей частью существования Японской империи¹⁶. Этот японский паназиатизм принимал самые разнообразные формы, такие как широкий спектр представлений об азиатском единстве, призывы к японо-китайскому сотрудничеству, «Великая восточноазиатская сфера процветания», а также идеологическая конструкция самого Маньчжоу-Го. С одной стороны, японский паназиатизм отличается от идеализма западных империй, поскольку он возник в результате национального опыта, приобретенного в XIX веке в виде реакции на западную угрозу. Другими словами, японское паназиатское мышление началось с попытки позиционировать нацию в полном опасностей

---

¹⁵ Несмотря на большое значение Кэндая для Маньчжоу-Го, ему не было посвящено ни одной монографии на английском языке. Хотя в некоторых книгах по Маньчжурии и Восточной Азии это учебное заведение упоминается, а также существует несколько посвященных некоторым аспектам истории университета работ небольшого объема, настоящая книга является первым всесторонним и обобщающим исследованием этого уникального японского колониального учебного заведения. На японском языке о Кэндае были опубликованы две важнейшие монографии: [Миядзава 1997; Сисида 2005]. Настоящая книга опирается на достижения японских исследователей, проливая при этом свет на новые источники и развивая собственную аргументацию, касающуюся институциональных практик паназиатства.

¹⁶ В своем исследовании про французский Алжир Андреа Смит описывает французский «алжирский плавильный котел», заполненный алжирцами-мусульманами и французскими, а также другими европейскими поселенцами. Основываясь на интервью с такими бывшими поселенцами, она подчеркивает пределы этого идеализма [Smith 2006].

мире, в который она только что вошла. С другой стороны, японский паназиатизм похож на его западные аналоги в том смысле, что правомерность его притязаний ставится под сомнение.

Японский паназиатизм возник как идея, популярная среди политических элит начала эпохи Мэйдзи, когда после более чем 200 лет проведения политики «закрытия страны» нация формировала свою новую идентичность. Следуя призыву Фукудзавы Юкити «сбежать из Азии» (*дацу-а*), лидеры эпохи Мэйдзи поспешно построили национальное государство и обратились к западной модели империалистической дипломатии, полагая, что национальное выживание без этого невозможно. В этом контексте паназиатизм был идеалистической альтернативой тому, чтобы «стать частью Запада». Эта идеология выступала за то, чтобы «остаться в Азии», объединиться с азиатскими соседями и бороться против западной агрессии. В последующие десятилетия паназиатский призыв объединиться с соседями по континенту получил поддержку широкого политического спектра, включая либеральных интернационалистов, левых, правых и милитаристов-экспансионистов. В Японии за этой интеллектуальной тенденцией стояло растущее чувство уверенности в себе, поскольку в целом страна состоялась как современное государство, а также продолжающееся разочарование Западом, презиравшим Японию. Победы в двух войнах: против цинского Китая (1894–1895) и России (1904–1905) — воодушевили японцев и укрепили их веру в себя как в растущую мировую державу. Тем не менее они продолжали чувствовать, что по причине их небелой расы западные страны не признают Японию по-настоящему равной себе, что стало весьма очевидным в ходе дебатов о расовом равенстве на Парижской мирной конференции (1919) и в результате принятия в США антияпонского закона об иммиграции (1924). Между тем в контексте западного колониализма и кажущегося успеха японской модернизации паназиатизм оказался привлекательным для националистически настроенных антиколониалистов в Азии. Действительно, с начала XX века и до конца 1920-х годов наблюдался определенный уровень межнационального диалога и сотрудничества сторонников паназиатизма по всему

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru